

Елена

Брусилловская

СЦЕНОЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ И ПРИЗВАННЫЙ

*К 100-летию народного артиста Казахстана, кавалера ордена
Қазақстанның Еңбек Ері (Герой Труда), участника Великой
Отечественной войны Юрия Борисовича ПОМЕРАНЦЕВА*

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Юрий Борисович Померанцев всего год не дожил до своего столетия. Он был уникальным актером и человеком – в 99 лет еще играл на сцене, блистая в главной роли в пьесе «Визиты к мистеру Грину» американского драматурга Джеффа Барона, который был поставлен специально на него актером и режиссером алматинского театра русской драмы имени Лермонтова Сергеем Поповым. Померанцев был единственным в стране актером, игравшим на сцене в столь преклонном возрасте!

Все, кто хорошо знал Юрия Борисовича – «ЮрБора», как в шутку звали его ученики-студийцы – отмечали нестандартность его мышления, юмор и афористичность высказываний. Например, он считал – чтобы создать на сцене жизнь человеческого духа, и пуд соли съесть мало, что театр живет по своим законам, не подчиняясь обычной логике, в нем дважды два никогда не должно быть четыре!

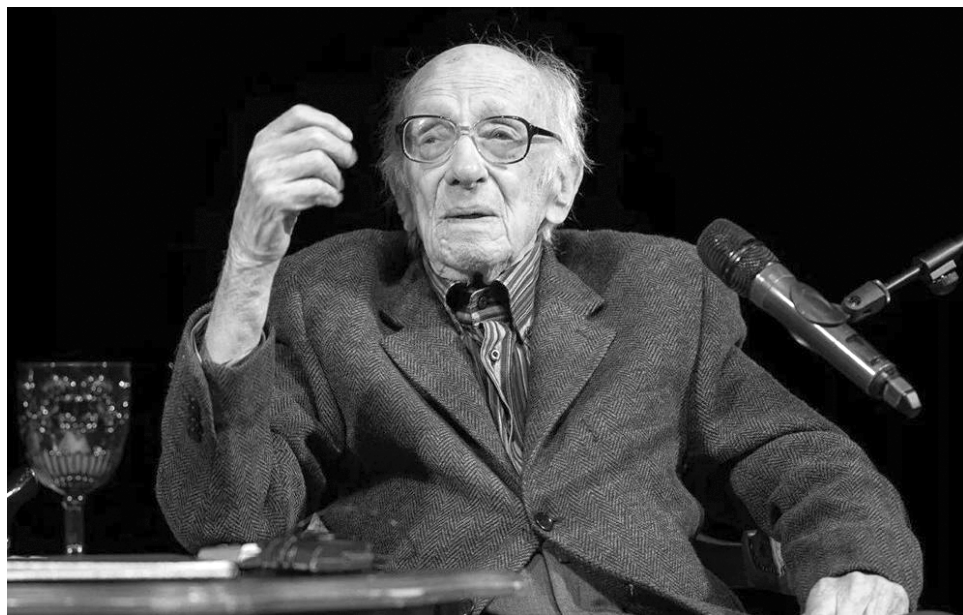
Всесоюзная слава пришла в нему более 60 назад после выхода на экраны фильма «Наш милый доктор», снятого на «Казахфильме» легендарным Шакеном Аймановым, где молодой тогда Юрий Борисович сыграл главную возрастную роль доктора Анатолия Николаевича Лаврова, у которого был девиз: «Радовать человеческие сердца так же важно, как и лечить их», что было очень похоже на отношение к жизни самого Юрия Борисовича.

Конечно, от милого доктора до мистера Грина – дистанция огромного размера, но зрители всегда ходили «на Померанцева», потому что знали – каждый раз это встреча с подлинным искусством. Он был из тех редких мастеров, для которых нет проходных ролей: всегда это игра на пределе возможностей и душевных сил. Для многих его имя ассоциируется с образом Дон Кихота – рыцаря без страха и упрека, которого Юрий Борисович блистательно играл на алматинской сцене. В чем-то он даже внешне был похож на человека из Ламанчи. Но главное, что роднило актера с героем Сервантеса – это человечность, порядочность, верность своему призванию, ну и, конечно, талант. Он был поистине «поцелованным Богом», любил сцену и по-рыцарски был ей предан.

Он пришел на театральные подмостки 20-летним молодым человеком, за плечами которого уже была война. С 1954 года служил в лермонтовском театре, где им было сыграно порядка 400 ролей! Вместе со своими героями он легко перемещался во времени и пространстве, потрясая нас, зрителей, силой своего таланта, заставляя смеяться и плакать, а главное – задумываться над смыслом бытия, что, согласитесь, дано далеко не каждому актеру.

А еще были запоминающиеся характеры в фильмах, вошедших в золотой фонд советского кинематографа. Не случайно на Аллее славы студии «Казахфильм» зажжена именная звезда Юрия Померанцева. В театральной биографии актера были и яркие режиссерские работы. Друзья по сцене и по жизни называли его «последним из Могикан». Он действительно оказался последним из когорты великих, кто оставил яркий след в истории отечественной культуры.

Он прожил большую жизнь, которая вместила в себя трагизм и победы бурного XX века, его задело, но не испугали сталинские репрессии, опалила, но не сломила война. Ему довелось пережить и распад большой когда-то страны, шагнуть в XXI век и не потеряться в изменившемся мире. Как участник войны, Юрий Борисович был награжден орденом Отечественной войны II степени. Его актерский талант отмечен орденами Казакстанның Еңбек Ері (Герой Труда), Трудового Красного Знамени, «Отан», двумя орденами «Знак Почета», множеством медалей. Имя Померанцева занесено в Золотую Книгу казахстанской культуры. Воистину: человек-эпоха.

ТАК НАЧИНАЛСЯ ТЕАТР

Мне не однажды посчастливилось встречаться с Юрием Борисовичем, брать у него интервью, и он признавался, что всякий раз с новой ролью, с новым выходом на сцену у него создается ощущение, будто он все начинает с начала, с белого листа. И результат совсем не известен. Когда-то, очень давно для него, московского подростка, с такого «белого листа» открылся Театр на спектаклях знаменитого МХАТа.

– Я с особенным чувством вспоминаю счастливые юношеские вечера, когда открывался театральный занавес с чайкой и начинался спектакль, каждое мгновение которого до сих пор перед моими глазами, – вспоминал Юрий Борисович. – Помню, как вся Москва гудела: Немирович поставил «Анну Каренину»! Я пошел к театру в надежде достать билет, рядом находился большой дом с двором, где было сооружение вроде помоста, на нем стоял студент и записывал фамилии желающих купить билет. Это было примерно в семь часов вечера. В одиннадцатом часу была переключка, и кто не приходил, их вычеркивали. А была зима, холод, но я не шел ночевать домой, а переходил улицу (напротив был Центральный телеграф), заходил туда погреться, а утром в четыре часа была третья переключка. И только к одиннадцати часам утра наконец выстраивалась очередь, выходил очень важный швейцар и говорил: «Пройдите командированные». У них были льготы и своя очередь. А мы двигались в общей, и когда у меня в руках оказались вождеденные билеты, я был уже настолько уставшим, что не было сил радоваться, а надо было еще идти на занятия... Но когда наступил вечер и я шел по направлению к театру, где задолго до него начинали спрашивать лишнего билетик, я чувствовал себя героем. А во время спектакля вообще забывал обо всем!

Я не мог не полюбить театр, видя на сцене столь блистательную игру, квинтэссенцию всей театральной жизни столицы. МХАТ тех времен – это незабываемые спектакли «Анна Каренина» и «Воскресение» с Аллой Тарасовой, Николаем Хмелевым, Василием Качаловым, легендарные «Дни Турбиных» с Андровской, Степановой, Грибовым, Ливановым, Яншиным, Топорковым, соратником Станиславского и Немировича-Данченко! Вот отсюда моя любовь к театру! – рассказывал Юрий Борисович.

Он был рожден актером, и с завидным упорством, «наперекор стихиям» шел к своему призванию. Влечение к театру было настолько неодолимо, что он просил дарить ему на день рождения только билеты на спектакли. В осуществление своей мечты он даже написал письмо самому Качалову, одному из ведущих актёров Московского Художественного театра, народному артисту Союза, кумиру зрителей.

– Мне было неудобно писать от своего имени, поэтому я написал – «мы с другом мечтаем стать актерами. Что для этого нужно?» Самое поразительное в том, что Василий Иванович мне ответил: «Нужно, чтобы вы просто пришли на вступительные экзамены и что-нибудь нам прочитали. И, если у вас есть талант, это сразу будет видно». Это письмо я храню до сих пор, оно было со мной и во время войны.

Репертуар МХАТа, Малого, Большого и других московских театров Юрий знал наизусть. И немудрено: в доме Померанцевых театр любили все – в семье водились и музыканты, и артисты, так что будущему актеру было у кого перенять и любовь к театру, и талант к лицедейству. Впрочем, восьмой класс Юра Померанцев оканчивал уже в Караганде, куда его отца, инженера-строителя, перевели на ответственную должность в трест «Карагандашахтстрой», а в 1938 году, когда он возвращался из московской командировки, его арестовали.

– Тогда у энкавэдэшников была мода снимать с поезда. И вот прямо на перроне, когда он выходил из вагона, на глазах у мамы, которая его встречала, к нему подошли несколько человек и забрали, вспоминал Юрий Борисович. – И если в 37-м году хоть какая-то часть арестованных все-таки уцелела, то в 38-м были расстреляны все – весь руководящий состав Караганды и несколько ведущих шахтеров. Мы с мамой еще не успели обжиться в новом городе, немногие знакомства

тотчас прекратились, и мы были вынуждены вернуться в Москву, где жили родственники. Много позже, когда я спросил у следователя, за что же так обошлись с отцом, тот усмехнулся: «Ну, если я вам скажу, что за переход через китайскую границу с вооруженным отрядом или что-нибудь подобное, вам будет легче?»

Это была обычная практика тех лет: приговор особого совещания – «тройки» – и расстрел. Уже будучи известным актером, Померанцев сыграл одну из главных ролей в спектакле о времени сталинских репрессий «Факультет ненужных вещей» по роману Юрия Домбровского, писателя, который четырежды подвергался арестам и с которым ему довелось немало общаться в его пребывание в алматинской ссылке.

Спустя годы иногда он думал: может быть, эта долгая активная жизнь и возможность воплотить в ней судьбы многих людей ему дана в компенсацию за несостоявшуюся жизнь и судьбу его отца?

О «ТРЕТЬЕМ ДЫХАНИИ» НА ИСХОДЕ СИЛ

А дальше нужно вспомнить начало фильма «Летят журавли» Михаила Калатозова: представить летнюю праздничную Москву, выпускные балы до полуночи в каждой школе, юноши и девушки кружатся в вальсе, а потом до утра прогулки по любимому городу... Летом 1941 года Юрий Померанцев окончил десятый класс. И когда дружной компанией они пришли на Красную площадь, до рассвета гуляли, сидели в кинотеатрике на Пушкинской площади – он открывался чуть ли не в семь утра, – смотрели на экран и думали, как же им дальше-то друг без друга, они не знали, что уже несколько часов назад за них все решила страшная война...

Юрий Борисович вспоминал:

– В Москве, на Петровке, где я жил, у родственников был маленький приемник. Сообщение о войне мы слушали с теткой. Первое ощущение – радость. «Ура! Мы будем воевать!» – и дело здесь было не в патриотизме, а в романтичности. Я удивительно долго оставался романтически настроенным юношей: храбрые вояки-мушкетеры, их дружба будоражили воображение. Как-то, возвращаясь из Вязьмы, с рытвям окопов и противотанковых рвов, купил в книжном магазине «Хижину дяди Тома». Не думал, конечно, что через много лет в театре придется сыграть этого самого дядю Тома.

После возвращения с трудового фронта Юрия Борисовича мобилизовали и направили в Казань, где формировался лыжный батальон специального назначения. От Москвы до Казани, где были казармы, шли пешком – 900 км. Шли целый месяц. Вчерашние школьники шли с полной амуницией, несли вещмешки, шинели. И когда становилось особенно невмоготу, слышался голос пожилого человека, комиссара: «Ничего-ничего, скоро у вас появится третье дыхание». Потом всю жизнь он помнил об этом «третьем дыхании», которое обязательно открывается на исходе сил.

Знаменитые Журавлевские казармы, куда прибыли новобранцы, представляли из себя высокие красновато-кирпичные здания. Там не обстрелянные еще солдаты учились разбирать и собирать миномет, получили звание ефрейтора. По этому поводу Юрий Борисович шутил, что в армии у него был такой же чин, как у Гитлера.

Учеба длилось недолго, той же зимой их отправили на Северо-Западный фронт: специальный лыжный батальон совершал кинжальные рейды по вражеским тылам. Сражалась 22-я ударная армия отчаянно, но и потери несла большие.

– Это была самая настоящая мясорубка, когда от батальона в 900 душ осталось в живых, скажем, всего девять, – вспоминал Юрий Борисович. – У нас был ротный миномет для внезапного нападения на села, занятые немцами. Мы выбивали их оттуда, а они нас. Во время первых атак я ничего не боялся, и только когда получил ранение, очень испугался. У меня перебило кость на руке, был задет лучевой нерв. Я попал в один госпиталь, потом в другой, пока наконец не оказался в Ярославле – тыловом эвакогоспитале, где меня и комиссовали.

Военная жизнь для Юрия Померанцева закончилась в 1943 году, правда, позже ему довелось «довоевать» на экране, где у него было три военные роли. Дважды пришлось сыграть командующего Русской освободительной армии генерала Власова – сначала в эпопее Юрия Озерова «Освобождение», затем в картине Юрия Чулюкина «Родины солдат». Третьим стал фильм «Орлята Чапая» Георгия Победоносцева, где у Померанцева была очень яркая, комедийная роль режиссера драматического кружка.

В том же 1943 году после мытарств по госпиталям Юрий Борисович приехал в далекую тыловую Алма-Ату, куда были эвакуированы его родные. А надо сказать, что Алма-Ата военных лет была своего рода культурным центром страны – сюда были эвакуированы киностудии Москвы и Ленинграда, жили и работали выдающиеся режиссеры и актеры, такие как Сергей Эйзенштейн, Николай Черкасов, Любовь Орлова, Галина Уланова, Вера Марецкая, Людмила Целиковская, Борис Бибиков и Ольга Пыжова и многие другие.

АЛМАТИНСКИЙ ТЮЗ НАТАЛЬИ САЦ

Сама судьба, казалось бы, шла навстречу влюбленному в искусство молодому Юрию Померанцеву. Но... на какое-то время в нем опять проснулся фантазер и мечтатель, выросший на романах Купера и Майн Рида, мечтавший о дальних путешествиях, о геологических экспедициях... В результате будущий актер оказался в общежитии и аудиториях горно-металлургического института...

– Через пару месяцев понял, что поспешил, это был неверный выбор, – рассказывал Юрий Борисович. – Я отправился к своему родственнику, знакомому с Траубергом, дядей одного из режиссеров чрезвычайно популярной в те годы трилогии о Максиме. Старик Трауберг, хормейстер театра оперы и балета, согласился прослушать меня. И два с половиной года я пел в хоре алматинского театра оперы и балета.

В это же время ему довелось постоять в монашеской одежде у гроба царицы Анастасии в «Иване Грозном» Эйзенштейна, поучаствовать в массовке в сказочных «Черевичках» Кошеверовой и Шапиро, фильмах, снимавшихся в военной Алма-Ате, а также «засветиться» в крошечном эпизоде балета «Жизель», где танцевала великая Уланова. Как он потом скажет: «Я попробовал себя во всех театральных видах и жанрах, даже... цирковом. Наталья Ильинична Сац, у которой я начал работать, один раз поставила клоунаду. И, играя там клоуна, я прыгал с высоты, совершал кульбиты и всяческие трюки. Но основное в моей жизни, конечно, – драма».

Настоящий театр для Юрия Борисовича начался с роли... Волка в «Красной Шапочке» на сцене открывшегося в Алма-Ате в ноябре 1945 года Театра юного зрителя, создателем которого и стала легендарная Наталья Ильинична Сац, тогда

она только что освободилась из лагеря и находилась здесь в ссылке. «Наталья Ильинична учила меня жизни и театру. Именно ей я – человек без высшего образования, настоящий самоучка – обязан своей актерской судьбой», – так отзывался об этой удивительной женщине Юрий Померанцев.

Почти десять лет продолжалась для Юрия Борисовича «Эпоха ТЮЗа». Казалось бы, почему он, с годами набиравший мастерство, не ушел из детского театра, разве не хотелось ему играть более масштабные характеры? На этот вопрос у Померанцева есть ответ: «Самуил Маршак когда-то сказал потрясающую фразу: для детей надо играть так, как для взрослых, но только еще лучше. Вот этого я и придерживался, ведь у Наталии Ильиничны я играл в «Двух капитанах» Каверина, в «Двенадцатой ночи» Шекспира. Это серьезная драматургия. Меня всегда интересовала работа над психологией человека. А детский театр, и это особенно касается и актерства, и режиссерства в ТЮЗе Сац – очень серьезное дело».

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

В 1954 году Яков Соломонович Штейн, будучи художественным руководителем Русского театра драмы, как тогда назывался Национальный академический русский театр драмы имени М. Ю. Лермонтова, пригласил Померанцева к себе работать. Так начался его театральный роман с лермонтовским театром длиной в жизнь.

– Уже в первый сезон благодаря Штейну я сыграл в инсценировке романа Достоевского «Униженные и оскорбленные», Стара Куэдера в «Краже» Джека Лондона. Вот сейчас говорят об интерактивном театре. Первой ласточкой его на лермонтовской сцене называют спектакль Игоря Пискунова «Танго», в котором мне довелось играть. А тогда я был занят в спектакле «По велению сердца» по пьесе казахстанского литератора Николая Анова, написанной в соавторстве со Штейном. Это была первая в Союзе пьеса о целине, и это был тоже своеобразный интерактивный театр. Мы выезжали в совхозы, встречались с земледельцами, читали ее по ролям, устраивали обсуждения, после чего в тексте что-то уточнялось, что-то переписывалось, – вспоминал Юрий Борисович. – Вообще, Яков Соломонович тяготел к крупным полотнам – «Иван Грозный», «Хождение по мукам», «Порт-Артур», «Любовь Яровая». Ученик Алексея Дикого, он как скульптор-монументалист лепил все эти героические образы, надолго запоминающиеся зрителям.

Наипрекраснейшие творческие спектакли у меня были с Абрамом Львовичем Мадиевским, пришедшим затем к руководству театром. За спектакль «Шестое июля», где я сыграл Дзержинского, театр получил Госпремию республики, и я в том числе. А постановки «Дон Кихот ведет бой» и «Абай» мы возили в Москву.

Одну из любимейших своих ролей – Шута в «Короле Лире» я сыграл, когда мы работали с Казимировским. Но целой эпохой для театра стало пребывание в нем Мара Владимировича Сулимова – одного из лучших режиссеров советской поры. При нем шли чеховский «Платонов», «Джордано Бруно» Окулевича, «Две зимы и три лета» Абрамова, «Филумена Мартуруано» Эдуардо де Филиппо, горьковские «Враги» и другие спектакли. Он дважды возил нас с гастроями в Москву, где мы показывали пьесы, которые еще не шли даже на столичных сценах, и Москва высоко оценила их. Из того, что было сыграно мною у Сулимова, наиболее дорог мне Дон Кихот в «Человеке из Ламанчи», образ, оставшийся со мной нравственным мерилom на всю жизнь.

А потом в театре началась «эпоха Андриасяна», с которым Юрий Борисович проработал более тридцати лет.

Рубен Суменович рассказывал:

– С Юрием Борисовичем первую роль мы сделали в спектакле «Прежде чем пропоет петух», потом десять лет были порознь (Р. С. Андриасян в эти годы руководил ТЮЗом – Ред.), а после моего возвращения к лермонтовцам в 1984 году был «Расточитель» по Лескову. Спектакль не типично лесковский, а такой детектив, где автор предугадал «новых русских». Юрий Борисович играл там роль Князева. Затем были такие постановки, как «Скупой», «Испанский священник», «Забавный случай». Но особенно удачным получился его Грегори Соломон в «Цене» Артура Миллера. Спектакль много лет шел на нашей сцене с неизменным успехом. Хорош он был в «Василисе Мелентьевой», «Дядюшкином сне», «Свадьбе Кречинского», «Танго». Я очень ценю Юрия Борисовича в «Талантах и поклонниках» – сам постановщик этого спектакля, он прекрасно играл в нем.

Спектакль «Танго» по пьесе польского драматурга Мрожека, имевший большой успех на сцене театра драмы им. Лермонтова, особенно у молодежи, поставил молодой тогда режиссер театра и кино, лауреат премии «Тарлан» Игорь Пискунов.

– Судьба подарила мне много встреч с Юрием Борисовичем, – делится Игорь Юрьевич. – Кроме «Танго», я ставил с его участием спектакль «Тот, кто получает пощечины» по Леониду Андрееву, снял с ним художественный короткометражный фильм по Чехову «Лекция о вреде табакокурения». Знаете, о чем мы с ним много говорили? О смысле жизни. И этот смысл, по Померанцеву, в движении. Вернее, в постоянно протекающем процессе – процессе работы над очередным спектаклем, размышлениях о новой роли, новом характере... В этом и состоит смысл жизни для Юрия Борисовича. Он не раз мне говорил, что для него не столько важен сам спектакль, который он уже играет, может быть, в десятый раз, а процесс работы над ним, продолжающейся и после выхода спектакля на сцену, потому что он этим живет, думает постоянно, перебирая сотни вариантов...

И я вам скажу – таких актеров, как он, больше нет. Мне с ним безумно интересно было работать – с Юрием Борисовичем можно было спорить, но при этом обязательно иметь веские доводы в отстаивании своей точки зрения, как всегда у него самого было. Он – великий актер, – констатирует Игорь Пискунов.

Все, кому довелось работать с Юрием Борисовичем Померанцевым, отмечают его величайшую работоспособность и широчайший актерский диапазон. Ему были одинаково подвластны и комедийные, и психологические, и острохарактерные роли. Он был из тех редких людей, которые не устают поверять алгеброй гармонию, которые, доверяя своей интуиции, знают, что лучший экспромт – это очень хорошо подготовленный экспромт, и в то же время повторяют, что в театре дважды два никогда не будет четыре!

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

С Юрием Борисовичем мы не раз говорили и о секретах актерского мастерства. Он считал, что самое главное – не играть и не воспитывать, не демонстрировать актерам и зрителям «методику» игры.

– Во-первых, все индивидуально, а во-вторых, я не могу знать заранее, как надо играть ту или иную роль: решение приходит внезапно, и откуда это появ-

ляется, я не знаю. Готовых рецептов у меня нет. Поясню, чтобы было понятно. Гениальный Лопе де Вега написал много сотен пьес. Практически все они, по его выражению, были написаны «как надо», по заданным канонам, но, как он сам говорил, больше всего ему по душе те шесть-семь пьес, которые он написал вне правил. Понимайте, как хотите!

– Другими словами, «гений – парадоксов друг». Юрий Борисович, некоторые роли вам пришлось сыграть дважды, например, Дон Кихота, причем в разное время и у разных режиссеров: у Мадиевского это был спектакль «Дон Кихот ведет бой», у Сулимова – «Человек из Ламанчи». И у каждого был свой Дон Кихот?

– А там и роли были разные. Если в спектакле «Дон Кихот ведет бой» он появлялся только в прологе и эпилоге, но появлялся достаточно ярко, главный герой там другой, то «Человек из Ламанчи» – это мюзикл. Но суть одна – это все-таки Дон Кихот.

– Мне кажется, что и вы смотрите на жизнь глазами рыцаря Печального образа.

– Мне он действительно очень близок. Я и свою жизнь старался выстраивать по таким, как у него, нравственным правилам. И, конечно же, я глубоко признателен судьбе, что она дала мне возможность побыть на сцене в этом драгоценнейшем образе.

– Вы упомянули Лопе де Вега. Насколько я знаю, вы как режиссер ставили его «Собаку на сене». Что подтолкнуло вас к режиссуре?

– Здесь я отвечу твердо – то, что я поставил спектаклей семь или восемь, это, если можно так выразиться, «так получилось». Ведь если разобраться, я не был там режиссером, вот в чем тонкость. Просто свой актерский опыт я передавал исполнителям, а это совсем не значит быть режиссером. Режиссер – это особая профессия, которой надо было учиться, а поскольку я самоучка, у каждого режиссера я старался взять то, чего не знаю. Самое интересное, что иногда мне приходилось и переучиваться – один требовал одно, а другой другое, ведь школы есть разные...

– Да, тому, кто играл у Мейерхольда, очень сложно играть у Станиславского...

– Конечно. Кстати о Мейерхольде. В чем состояла значительная часть моей зрительской театральной жизни? Это период Станиславского и Немировича-Данченко. Я ходил во МХАТе на все их спектакли. Но за последние десятилетия я вдруг почувствовал крен в несколько другую сторону – в сторону острой мейерхольдовской формы. Меня меньше стало интересовать, как играют того же Чехова «по Станиславскому», то есть сидят в креслах и долго рассуждают. Тем более, что вы прекрасно знаете – Чехов называл свои драмы комедиями. Не случайно этот гениальный человек сказал Станиславскому: «Мне не нравится, как вы играете. Мои спектакли – комедии». Для меня эта парадоксальность и заостренность – на первом месте. Вот, скажем, есть текст, но я стараюсь играть не текст, а то, что под текстом, что действительно хотел сказать автор – второй план, потому что если играть текст – для меня это иллюстрация. А вот разгадать, что под ним, это довольно сложно. Вот видите, у меня в книжном шкафу стоит портрет Топоркова Василия Осиповича? Он был учеником Станиславского, я видел его в ряде спектаклей, и когда-то он был для меня любимым актером. Одно время Топорков руководил курсом во МХАТе, и как-то студенты его спросили – как эмоционально выстроить образ? Как надо правильно играть? И он сказал приблизительно следующее: вот, скажем, если Арбенин в последнем акте пони-

мает, что зря убил Нину, он должен стать на голову. Иначе как это сыграть? Как передать этот накал страстей?

– Станиславский своим актерам говорил знаменитое «Не верю!», а вы сами для себя выносите этот вердикт? Рубен Андриасян говорит, что вы до сих пор сохранили неуверенность в себе. Откуда такая неуверенность?

– Тут Рубен Суренович прав: когда я работаю над ролью, я – человек сомневающийся, в самом себе и в своем деле. И к этому меня приучил, пожалуй Сулимов. Когда он ставил спектакль «Враги» по Горькому, я играл роль генерала Печенегова, и как-то прочел ему сцену. Он посмотрел и говорит: «Всё не то». Я достал листок бумаги, ручку, говорю: «Мар Владимирович, я записываю – что надо?» – «Писать не надо. Идите домой и думайте».

Я понял. Пошел домой и стал думать. Мне показалось, что я нашел что-то интересное. На следующий день показываю ему – не то. Я уж забыл, сколько раз приносил ему эти варианты, при этом он говорил, что их может быть сколько угодно, пока не обнаружится истина. А у нас, к сожалению, бывает по-другому: режиссер приходит на репетицию и говорит – я так вижу, а актер – будет сделано! Ведь если режиссер предлагает только свое, он лишает меня творчества, я сам должен до этого дойти. Потом он может меня поправлять, направлять и так далее. Но начать думать я должен сам, иначе... Как только мне начинают диктовать, я теряюсь и назло говорю: «А я вижу иначе». Хотя и не вижу. Но этот диктат меня раздражает, потому что меня лишают творчества. А что такое творчество, я хорошо знаю – это мучения, и днем, и ночью. Скажу больше, поиск роли для меня интереснее, чем готовый продукт. Мне кажется, мастерство режиссера – в умении незаметно подвести актера к нужному решению, причем так, чтобы у актера создалось впечатление, что это он сделал роль.

– Но вот вы сделали спектакль, прошла премьера, можно ли говорить, что он обрел свою конечную форму, что работа над ним закончена?

– Тем-то театр и отличается от кино, что каждый раз, когда открывается занавес, жизнь спектакля начинается заново, и чем она завершится, мы никогда не знаем. Отсюда и волнение. Я вам расскажу историю, связанную с работой над спектаклем «Однажды в Глостере», где мы играем с Мариной Ганцевой. Его начал ставить Сергей Попов, потом он тяжело заболел, и с нами продолжил репетиции Андриасян. Сделал шесть-семь репетиций и тоже ушел по состоянию здоровья. И мы остались с Мариной вдвоем, а премьера была уже объявлена. И вот тут, видимо, включились какие-то высшие силы. Я не знаю, что произошло, но вдруг мы начали с полуслова понимать друг друга. Со мной такого, пожалуй, больше не происходило. Я стал понимать, что она может вести себя как угодно, как, впрочем, и я тоже, потому что между нами возникла живая жизнь, появилась свобода в действиях.

– Может, потому, что Марина Ганцева – ваша ученица? Ведь, насколько я знаю, вы вели курс при театре.

– Да, лет 30 назад я был назначен руководителем студии при театре. Но поскольку педагогом я был тоже непрофессиональным, то не знал, как работать с молодыми. В это время на большой сцене затевалась какая-то сказка, и я попросил, чтобы в постановке были заняты мои студенты. Это мне очень помогло: вместо того чтобы их «накачивать» теорией, я учил на практике – играй или провалишься! А так как у меня был большой личный опыт, то черпать мне было больше неоткуда, как из самого себя, ведь я самоучка. В общем, опять сошлись звезды.

– А знаете, Юрий Борисович, в этом плане звезды сошлись не только у вас – но и у Льва Толстого, Антона Чехова, у Тургенева, Достоевского, потому что никто из них литературных институтов не кончал. Они, как и вы, были самоучками.

– Горький тоже.

– И Горький. Правда, и у него тоже были свои «университеты». Не случайно о талантливых людях говорят, что они поцелованы Богом. А вас Бог, видимо, пометил театром.

ШКОЛА ПОМЕРАНЦЕВА

Поразительно, что в свои почти сто лет Юрий Померанцев с огромным успехом играл на сцене лермонтовского театра. На спектакли с его участием «Визиты к мистеру Грину» и «Однажды в Глостере» невозможно было достать билеты. Он мог дать фору любому молодому артисту.

Согласитесь, играть в таком возрасте двухчасовой спектакль, в котором задействованы всего два актера, и «держат» зал – поистине уникальный случай! Последний спектакль с участием Померанцева «Однажды в Глостере», как и предыдущий – «Визиты к мистеру Грину», были камерными, рассчитанными на двух исполнителей. Но если «Визиты» ставились в малом зале, то спектакль «Однажды в Глостере» сделан в расчете на большую сцену, где партнершей Юрия Борисовича и стала очаровательная Марина Ганцева, заслуженный деятель РК, лауреат молодежной премии «Дарын».

Хотелось бы отметить здесь точное совпадение двух главных величин – драматургии и актера. И в том, и в другом спектакле Померанцев играл в какой-то степени самого себя – старого одинокого человека, уединение которого однажды волею судьбы нарушается. И начинается раскручиваться жизненная нить, которая неизбежно к финалу заставляет человека задуматься над вечным вопросом: а так ли она прожита, эта его долгая жизнь? Что можно взять себе в зачет, а что немым укором отойдет вместе с ним в вечность?

По мнению режиссера-постановщика этих двух спектаклей Сергея Попова, Юрий Борисович был достаточно жестким, мощно работавшим актером, причем работавшим на износ, на огромном конфликте. Померанцев был не из тех, кому требовалась скидка на возраст.

– Он не делал себе никаких поблажек, – считает режиссер. – Помню, однажды перед спектаклем «Визиты к мистеру Грину» Юрий Борисович сказал: «У меня страшная головная боль». Я предложил отменить представление, но он категорически отказался. А когда закрылся занавес, произнес: «Знаешь, у меня все прошло. Вылечился». Хотя после каждого выхода на сцену еще пару дней сильное душевное напряжение не позволяло ему выйти из образа, он продолжал мысленно доигрывать роль. Я считаю, это пик мастерства.

Знаете, когда в конце 70-х годов после службы в армии я поступил в студию к Юрию Борисовичу, ему было 50 с небольшим лет, он был на пике популярности, – продолжает рассказ Сергей Попов. – Никогда не забуду, как блистательно он играл Аристарха в спектакле «Энергичные люди» по рассказам Шукшина. Это было что-то невероятное!

Что же касается занятий в театральной студии, то для нас они начались с разговора о трепетном отношении к сцене, к театру. Эти беседы я никогда не забуду.

До сих пор в памяти звучат слова Юрия Борисовича: «Когда вы на сцене, вы всегда должны задавать себе вопрос – ш-ш-што я тут делаю?». При этом он напирал на букву «ш», удивительным образом растягивая ее. От него я впервые услышал такие сложные слова, как сверхзадача, сквозное действие... Юрий Борисович учил нас по системе Станиславского. Это была прекрасная школа, мы все были просто влюблены в него, потому что он был удивительным, талантливым учителем.

Спектакль «на Померанцева» режиссер решил поставить лет восемь назад когда в жизни Юрия Борисовича был тяжелый период.

– Он потерял жену, был мало занят в спектаклях, и я подумал – ему бы сейчас материал для работы, ведь игра на сцене – это его спасение, и когда я прочел пьесу «Визиты к мистеру Грину», сразу понял: это как раз то, что нужно. Поехал к Померанцеву, дал ему прочитать, и уже на следующий день он мне звонит: «Я буду это играть!»! А надо сказать, что пьеса эта на двух актеров, что само по себе сложно – большой текст, постоянное нахождение на сцене и постоянное эмоциональное напряжение. Но Юрия Борисовича это не испугало, он сразу предложил начать работу, не дожидаясь, пока я получу добро на постановку спектакля от руководства театра. И первые репетиции проходили у него дома.

– Сложно было работать с Юрием Борисовичем?

– Не то слово! Вы знаете, я даже похудел за это время. Когда я учился в студии Юрия Борисовича, то перенял у него многие его приемы актерской игры, а вот как режиссер столкнулся с ним впервые, и для меня это оказалось непростым испытанием.

Это «непростое испытание» длилось больше двух лет, пока шла работа над спектаклем. Премьера, состоявшаяся 2 мая 2015 года, стала для Юрия Померанцева настоящим триумфом.

– Для меня Юрий Борисович Померанцев прежде всего учитель, который дал мне главное – профессию, – считает его партнерша по спектаклю «Однажды в Глостере» Марина Ганцева. – Ведь профессия – это как дар судьбы, и если ты идешь по своему пути навстречу тому, что выбрал, тебе всегда попадают люди, которые помогают постичь тайны мастерства. Поэтому для меня встреча с Юрием Борисовичем – это подарок от Бога. Он – Учитель в самом высоком смысле этого слова. Он научил нас, его учеников, бережному отношению к профессии, дотошности, потому что дотошность в актерстве имеет огромное значение.

Юрий Борисович всегда, когда мы разбирали ту или иную пьесу, повторял строки погибшего на войне поэта Павла Когана: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал», считая, что в каждой роли нужно четко очерчивать угол, тогда это будет трогать зрителя. Ведь театр – это не только место для отдыха, но и повод задуматься над тем, что он, зритель, увидел на сцене. Я считаю, что сопереживание – очень важное качество, которое необходимо и зрителям, и актерам. Умение достичь его – и есть тот самый высший пилотаж, которому учил нас Юрий Борисович

Что же касается спектакля «Однажды в Глостере», то я очень благодарна Сергею Попову, что он предложил мне поработать в нем с Юрием Борисовичем. Это была, наверное, та роль, о которой мечтаешь всю жизнь. Больше двух с половиной лет мы работали над спектаклем, иногда прямо дома у Юрия Борисовича. Это было очень интересно, мы много спорили, много думали, и в результате, как мне кажется, получился хороший спектакль. Не случайно Юрий Борисович считает его одним из самых любимых, сыгранных за всю его жизнь. И сейчас, говоря

об этой работе, я вспоминаю о ней с теплом, нежностью и благоговением. И это слово «благоговение» я произнесла не случайно, ведь когда ты на одной площадке с мэтром, с Учителем, это дорогого стоит. Особенно, когда возникает понимание на уровне поворота ресниц... Это была Школа в самом высоком понимании этого слова. Школа актерского мастерства и школа жизни.

В числе учеников Юрия Борисовича Померанцева был и нынешний директор театра, заслуженный деятель РК, лауреат национальной театральной премии «Сахнагер» Юрий Якушев.

– Благодаря Юрию Борисовичу я связал свою судьбу с театром, приехав после десятого класса из Караганды поступать в театральную студию Померанцева. Это был третий набор начала 80-х годов. Но опоздал, хотя меня все-таки согласились прослушать.

Тогда произошел курьезный случай. Помню, сидит приемная комиссия, в центре стола – солидный мужчина в кожаной куртке, и где-то сбоку прислонился к тумбе какой-то старичок. Я, естественно, подумал, что тот в кожанке и есть Померанцев: тогда, еще мальчишкой, я не знал его в лицо, ведь Юрий Борисович был в основном театральным актером. Как потом оказалось, «работал» я на нашего актера Юрия Капустина. Но в студию меня приняли, правда, вольнослушателем, видимо, Юрий Борисович меня пожалел или решил дать возможность раскрыться. Но после первого семестра перевели на курс.

Позже я закончил еще курс у Рубена Суреновича Андриасяна и Татьяны Касымовны Наурызбаевой в Академии имени Жургенова, но школы Померанцева никогда не забуду. Впрямую я не был его партнером, хотя и участвовал в некоторых спектаклях, где играл Юрий Борисович. Знаете, когда на сцене работает большой мастер, это всегда мобилизует. С ним было, с одной стороны, сложно, а с другой – интересно, приходилось всегда быть, как говорится, в тонусе, с Померанцевым нельзя было расслабляться. Он не давал «замоторить» спектакль, есть такое понятие в актерской среде: когда спектакль долго играется, появляется некая моторика, привыкание к нему.

Юрий Борисович Померанцев – уникальное явление. Такого не было не только в нашем театре, а вообще в истории отечественного театрального искусства. Это единственный случай, когда актер выходил на сцену в 99 лет! Доживать до такого возраста доживали, но чтобы играть главные роли, да еще и требовать новых! Это достойно Книги рекордов Гиннеса. Конечно, мы старались беречь Юрия Борисовича, но он всегда рвался в бой. Он был истинным Дон Кихотом, и не только в театре, но и по жизни.

Действительно, сценой мобилизованный и призванный, Юрий Борисович Померанцев, как его любимый «человек из Ламанчи», несмотря на возраст, всегда рвался в бой, поднимаясь в своем мастерстве все выше и выше. Не случайно спектакли, в которых был занят патриарх казахстанской сцены, задерживались в репертуаре дольше других. И не случайно каждый раз зрители стоя устраивали ему овации. А секрет его актерского долгожительства, как мне представляется, был достаточно прост – он любил дело, которому служил, любил своих зрителей, нес любовь и добро людям, утверждая свои искусством, что высшие нравственные человеческие ценности не подлежат девальвации...

